

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 181–187
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):181–187

Научная статья
УДК 316.752:124.5
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187

НЕОМЕНТАЛЬНОСТЬ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» VS ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье, посвященной актуальной проблематике не только с духовно-нравственной точки зрения, но и приобретающей особую значимость в современных геополитических координатах, представлен анализ процесса, имеющего очень глубокие исторические корни. Они показывают, что практика отрицания неугодных определенному кругу людей идей и лиц, эти идеи продуцирующих, ведет во времена истории Древнего мира, где она воплощалась в акциях ostracism и proscriptions. Более поздняя история дополнила этот ряд. Новые характеристики такая практика приобрела в цифровом контексте, когда у осуждающих благодаря Интернету появились и новые средства осуждения, и возможности долго оставаться безнаказанными за часто бездоказательное обвинение неугодных. В статье подробно рассмотрены причины «культуры отмены» как отражения «неоморали», также показаны обстоятельства, способствующие ее собственной «отмене».

Ключевые слова: традиционная культура, традиционные ценности, мораль, ostracism, proscriptions, социальная стигматизация

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Неоментальность «культуры отмены» vs традиционные культура и ценности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 181–187. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187>.

Research article

NEO-MENTALITY OF “CANCELLATION CULTURE” VS TRADITIONAL CULTURE AND VALUES

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Ludmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article, devoted to topical issues not only from a spiritual and moral point of view, but also acquiring special significance in modern geopolitical coordinates, presents an analysis of a process that has very deep historical roots. They show that the practice of denying ideas objectionable to a certain circle of people and persons producing these ideas leads back to the time of the history of the Ancient World, where it was embodied in actions of ostracism and proscriptions. More recent history has added to this series. This practice has acquired new characteristics in the digital context, when thanks to the Internet, the condemners have both new means of condemnation and the opportunity to go unpunished for a long time for often unsubstantiated accusations of objectionable people. The article examines in detail the reasons for the "cancellation culture" as a reflection of "neomoral", also shows the circumstances that contribute to its own "cancellation".

Keywords: traditional culture, traditional values, morality, ostracism, proscriptions, social stigmatization

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Neo-mentality of “cancellation culture” vs traditional culture and values. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):181–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187>.

Наше время может быть названо периодом не только обострения геополитического противостояния, но и углубления цивилизационного разлома. Допустимо соединять эти два процесса и говорить о столкновении цивилизаций. Так это после распада Советского Союза и сделал американский социолог и политолог Самюэл Хантингтон сначала в статье, а затем историко-философском трактате «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*) [1]. За Хантингтоном по пути соединения цивилизационных и геополитических противоречий пошли многие исследователи как за рубежом, так и в России. Несмотря на привлекательность такого подхода, более продуктивным представляется сравнительный анализ геополитического и цивилизационного аспекта глобального кризиса. Во-первых, у каждого из этих его проявлений имеются собственные истоки и вытекающие для них последствия самого разного порядка. Во-вторых, обнаружив их, можно определить тенденции как развития этих линий в будущем по отдельности в проблемном ключе и территориальном (страновом) аспектах, так и найти точки их взаимовлияния.

Поворот именно к такому взгляду на эту проблематику в наши дни приобретает императивный характер. Без него сложно выбрать из аксиологического тупика, понять и принять в качестве ориентира то, что выражается смыслом традиционных ценностей российского социума. Несмотря на часто звучащее в политической полемике утверждение, то содержание данного понятия неясно, размыто, мы имеем его четкое определение в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этом документе постулируется, что «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколе-

ния к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Также там указано, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

Объяснением причин того, что не позволяет некоторой части исследователей и заметному числу активистов и сторонников новых социальных движений не соглашаться с универсальной характеристикой традиционных ценностей, служит их приверженность новому типу ментальности, сформировавшемуся под воздействием социально-экономических, политических, духовно-нравственных и иных факторов, определивших специфику развития западного общества после холодной войны [3].

В очищенном от влияния бывшего геополитического соперника пространстве быстро стали распространяться и торжествовать неоменталитет и неомораль. Российскими авторами предпринимаются попытки осмысления данных явлений, которые при всей своей внешней новизне и ориентированности на будущее процветание человечества [4], по сути, вводят его в ритмику циклического движения, позволяющего возрождать образы и действия прошлого в изменившихся реалиях [5, с. 93–102; 6, с. 20–28].

Утверждению подобных ментальных паттернов способствует обстановка социального перехода. Закономерность возникновения идейных стереотипов циклическости прослеживается

с той переходной эпохи, которая отделяла Новое время от Просвещения. Именно тогда итальянский философ Джамбаттиста Вико (1668–1744) одним из первых в вышедшей в свет в 1725 году книге «Основания новой науки об общей природе наций» показал наличие у каждой культуры собственной ментальности [7]. В его классификации исторических эпох присутствуют «Век богов», «Век героев» и «Век людей», обладающие собственными видами нравов, типами права, правления и пр. Если исходить из того, что в циклической картине мира повторяемость таких эпох может быть бесконечной, то с сожалением придется констатировать, что наше время соответствует описанию, данному Вико «Веку героев» с его гневливыми нравами, императивом силы, побеждающей и мораль, и религию.

Именно таким периодам присуща крайняя нетерпимость к взглядам других людей, если они отличаются от твоих собственных. В Древних Афинах неудобных убирала с помощью процедуры ostracism [8, с. 127–140]. Древние римляне составляли списки нежелательных для общества и объявляемых вне закона лиц, так называемые проскрипции. В числе проскрибированных был и политик, оратор, философ Марк Туллий Цицерон [9, с. 195–211]. В советское время в политической жизни активно пользовались взятым из литературы приемом убирать неудобных, превращая их в персоны умолчания. В Соединенных Штатах Америки в послевоенный период возникло явление, получившее наименование «маккартизм» (англ. *McCarthyism*) по фамилии сенатора Джозефа Маккарти, наиболее рьяно проводившего политику шельмования политических оппонентов, которых находили не только во власти, но и в кинематографе, СМИ, университетах. Но гораздо чаще эта массивная кампания по дискредитации людей, имеющих другие политические убеждения, называется «охотой на ведьм».

Несмотря на разницу времен и цивилизационных оснований у всех перечисленных и подобных им форм общественного порицания и в его итоге наказания несогласных, имеющих точку зрения, выпадающую из общего хора хвалебных голосов, больше общего, чем отличительного. Причем с накоплением опыта об-

винительной практики идентифицировать все ее вариации, часто прячущиеся за лозунгами защиты уязвимых социальных слоев, поддержки демократии, отстаивания прав меньшинств и пр., становится все легче.

Сейчас суммарно все подобные проявления нетерпимости к чужому мнению и отражающему их поведению мы обозначаем понятием «культура отмены» (англ. *cancel culture*). То, что истоком этой дефиниции стала англо-саксонская традиция, выглядит логичным продолжением смеси спесивого бойкота инакомыслящих (именно о таком ostracism поэта Уилфреда Дезерта, вынужденного принять ислам, пишет Джон Голсуорси, повествуя в «Конце главы» о его трагической судьбе) и любования собственной исключительностью и вытекающей из нее непогрешимостью. Однако часто, не имея достаточных аргументов и будучи отягощенными остатками совести, чтобы судить других, приверженцы «кэнселлинга» предпочитают не вступать в дискуссии с отвергаемой публичной персоной, а просто выводят ее за скобки, «отменяют». Именно британцы фактически отменили мужское имя «Оливер» после того, как они переоценили вклад одного из обладателей такого имени — Кромвеля. Чарльз Диккенс, давая это имя своему маленькому герою, хотел тем самым подчеркнуть его отверженность социумом. После Второй мировой войны практику табуирования имени из-за политических причин продолжают Германия и Италия, где мальчикам перестали давать имена Адольф и Бенито.

Что касается американского вклада в «культуру отмены», то он во многом базируется на постулатах кампусной культуры, включающих своеобразный «культ безопасности», отличающийся крайней нетерпимостью к любому мнению, воспринимаемому как сексистское, трансфобное, расистское. Оно может иметь вектор, повернутый в прошлое. Проявление желания переписать историю можно обнаружить в актах протеста против памятников, установленных в честь военных или государственных деятелей США, обвиняемых в связях с работорговлей или расизмом. Даже Христофор Колумб был объявлен «лицом геноцида».

Напор этой отрицающей не только личности, но и бренды, идеи и концепции настоль-

ко силен, что очень немногие люди из мира политики, публицистики или науки способны ему не просто противостоять, а еще и исследовать. Одним из таких смельчаков можно назвать британского режиссера, писателя, сценариста и публициста Мюррея С. Дугласа, выступившего с разоблачением «культуры отмены» в книге «Безумие толпы». В этой работе нашлось место темам пола, сексуальности, расы, технологий и др., каждая из которых способна становится площадкой для спекуляций вокруг идентичности лиц, причастных к происходящему в этих областях [10]. Другой британский автор, писатель и журналист Уилл Сторр подходит к «культуре отмены» несколько с иной позиции. В книге «Статус» он анализирует те атрибуты успеха, что сформировали устойчивое представление о пути к процветанию. Но любое отклонение от этого шаблона ведет к сомнению в верности дороги, а потому всякие колебания должны быть исключены [11].

У современного феномена «культура отмены» множество причин. Все они характеризуют ее в качестве одного из главных проявлений неоментальности. Первая из особенностей данного типа остракизма ничем не отличается от подавляющего большинства явлений, определяемых как новые и имеющие не только приставку «нео» (древне-греч. νέος — молодой), означающую вновь возникший процесс или явление. Они имеют нечто общее со своим предшественником, но претендуют на то, чтобы отличаться от него в лучшую сторону уже только потому, что отвечают духу и запросам времени. Но для того, чтобы доказать свое право на такой ответ, новое явление должно себя идентифицировать. Легче всего этого сделать путем отрицания старого, а еще предпочтительнее — его полного разрушения, как, например, писалось в гимне «Интернационал»:

Весь Мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый Мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Вторая причина весьма широкого распространения «культуры отмены» лежит в общем упадке образования и культуры, отличающегося, к сожалению, не только Западный мир. При

обретении современными школьниками и студентами требуемых социальными и экономическими реалиями гибких навыков, они утратили осознание ценности того, что составляло базовую культуру не только в ее национальных контурах, но и масштабе (историческом и геополитическом) всего человечества. Частью, причем ценнейшей, этого общего культурно-цивилизационного пространства выступают этические постулаты. Когда же оказались сбитыми такие ориентиры или полностью было утеряно понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», что есть «долг», а что — «наслаждение», представители нового поколения выродились, по образному выражению Нассима Талеба, автора теории «черных лебедей», в интеллектуальных идиотов.

Третья причина нахождения «культурой отмены» удобной питательной почвы проистекает из второй причины. Лежащие в русле «культуры отмены» действия примитивны и безответственны. Они не детерминируются какой-либо глубокой традицией. Также эти проявления не регулируются теми социальными нормами, которые присущи людям уважаемых профессий, имеющих солидный социальный статус. В «культуре отмены» свободно себя чувствуют маргиналы, к которым следует относить не только лиц, потерявших себя морально, но и тех, кто, действительно, находится в состоянии социального перехода. Часто это состояние носит временный и ситуативный характер. Человеку, оказавшемуся в таком транзитивном качестве, исключительно важно о себе заявить, быть услышанным. И чем более широкой аудиторией, тем лучше.

Громкие обвинения других, а «культура отмены» начинается со стигматизации, способствуют не только самоутверждению, но и дают возможность быть услышанным теми, кто служит для маргинала новым социальным ориентиром [12]. Более того, находящееся в обществе маргинальное меньшинство всегда достаточно высоко себя оценивает и потому стремится провозгласить в качестве большинства. Крикливая и напористая «культура отмены» прекрасно служит инструментом изображения того, что данное маргинальное мнение превагирует во всем социуме. Происходит перевертывание своеобразных песочных часов обще-

ственного мнения: находящиеся в меньшинстве маргиналы получают возможность звучать как «глас народа».

К сожалению, в «культуре отмены» некоторые лица, даже не относящиеся к маргиналам, находят определенное удобство. Для того, чтобы что-то серьезно критиковать, это социальное явление или художественное произведение надо сколько-то знать. Проще пойти по пути «не читал, но осуждаю», обозначенному во время кампании осуждения Бориса Пастернака.

Четвертой причиной распространения «культуры отмены» можно назвать стремление властных кругов контролировать значимые социальные процессы. Если в современный период остракизм античности или «охота на ведьм» послевоенного времени коробят интеллектуалов своим антидемократизмом, то в практике шельмования неугодных, известной как «культура отмены», псевдodemократизм переливается через край. Такой социально контролируемый механизм работает потому, что фигурами порицания выступают известные фигуры, прежде имевшие множество почитателей, не вписавшиеся в рамки новой концепции социальной организации. Их публичное порицание организует толпу, направляет ее энергию не на реальные проблемы политики, экономики, культуры, а на борьбу с фантомами, которыми, по сути, являются личные взгляды даже очень известных и заслуженных персон, таких как кинопродюсер Харви Вайнштейн, осужденный активистками движения #MeToo за сексуальное насилие и домогательства; писательница Джоан Роулинг, обвиняемая в трансфобии; певица Дана дель Рей, критикуемая за антифеминизм; видеоблогер Дженна Марблс, критикуемая за наличие в ее давних видеороликах гендерных стереотипов и примеров блэкфейса; рэпер Канье Уэст за высказывания, отнесенные к разряду антисемитских.

К пятой причине интеграции «культуры отмены» в современную систему коммуникативных практик можно отнести превращение ее в инструмент конкуренции. «Кэнселлинг» позволяет убрать с дороги конкурента не только в области художественного творчества, но и перекрывающего финансовые каналы, поскольку в его результате страдает репутация «отменяемого», а вслед за этим он начинает

лишаться контрактов, а часто и напрямую работы. Попытка оправдаться, например, через суд, приводит к огромным затратам на адвокатов, как это было у актеров Джонни Деппа и Кевина Спейси.

В наше время в любом социальном проявлении можно найти геополитические основания. Не исключение и «культура отмены», которая выступает также как элемент геополитического противоборства, игнорирующего законы здоровой международной конкуренции [13]. В странах Запада в связи с конфликтом на Украине стали массово отменяться не только концерты российских исполнителей, но и произведения русских писателей XIX в., до этого входившие в программы по литературе престижных университетов. Одновременно от западных организаторов культуры можно услышать мнения, что у этой практики есть исключения. Так, во время презентации своей книги «На культуру не прожить» министр культуры Италии Дарио Франческини заявил, что его страна не поддерживает любые действия, ограничивающие возможность представлять русские произведения [14]. Другой пример — в Нью-Йорке часть 97-й улицы на Манхэттене, рядом с русским Свято-Николаевским собором, стала называться улицей святителя Тихона, служившего в Северной Америке с 1898 по 1907 год, сначала на Аляске, а затем в Нью-Йорке.

Также, если и не полностью в качестве причины, то в виде сопутствующего благоприятного для укоренения «культуры отмены» выступает демографическая платформа. «Культура отмены», хотя и имеет исторических предшественников, в современном проявлении представляет собой, прежде всего, продукт блогосферы, результат информационных трансформаций. Поэтому призывы отметить персону или бренд, быстрее всего, подхватываются теми, кого относят к поколениям миллениалов или Z. Для них инструментарий «кэнселлинга» одновременно оказывается средством борьбы с идеями и идеалами старших поколений. Из этики не только делового, но и повседневного общения уходит стремление понять позицию другого. Вместо этого требования неоментальности заставляют активно наступать на кажущиеся молодым людям отжившие элементы и носителей их идей и ценностей.

В этом основании «культуры отмены» таится ее зыбкость. И не только потому, что в современном обществе накал конфликта поколений стал менее агрессивным, чем в былые времена. Молодое поколение более мобильно с точки зрения получения информации. Ее обилие способно из-за отсутствия спасательного круга в виде критического мышления потопить человека, но оно же может помочь ему выбраться из бурного и мутного информационного потока в силу наличия множества «плавсредств», которыми выступают очень разные источники сведений.

Из этого следует, что «культура отмены» может обернуться прямо противоположным эффектом. Сначала возникает сочувствие к людям, объявляемым персонами нон-грата. Затем появляется стремление понять, что лежит в основе их позиции. А далее следует полное или частичное принятие их мнения. Поскольку непредвзятый взгляд способен различить за громкими «аргументами» сторонников «культуры отмены» токсичную нетерпимость и удобную анонимность социальных сетей, то появляется возможность задуматься о том, какие последствия несет эта политика не только для самих «отменяемых» но и для общей этической ауры.

Нельзя принижать способности общей моральной атмосферы сопротивляться чуждым ей процессам, к которым, безусловно, относится «кэнселлинг».

Эти возможности, во-первых, кроются в резервах традиционных ценностей и традиционной культуры.

Не менее разрушительными для «культуры отмены», во-вторых, выступают имеющиеся в ней самой противоречия. Она способна вызывать своеобразный эффект «домино» и повергать ниц тех, кто рьяно исповедовал ее принципы.

В-третьих, у любой агрессии наблюдается ограниченный запал. Переставая быть новой, обращая внимание окружающих на одних и тех же жертв, агрессия сама себя изживает, теряя аудиторию.

В-четвертых, репутационные бои, как правило, не только бои без правил, но и без победителей, поскольку выигрывающий в начале вскоре сам же оказывается запятанным уже одним своим участием в травле. Его авторитет, неважно на чем основанный, резко падает. Он перестает быть выразителем мнений, у него тает толпа фолловеров.

В-пятых, так как изначально «культура отмены» позиционировала себя в качестве поборницы свободы слова и борьбы с цензурой, то именно свобода слова и отрицание права на цензурирование превращаются в то зеркало, которое так или иначе поворачивается к «культуре отмены». И, взглянув в него, она, подобно змееголовой Медузе Горгоне, застывает. Ее несостоятельность становится очевидной, а реакция на такую порицательную практику направляется против ее организаторов.

Список источников

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / перевод с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. Москва : АСТ, 2003. 603 с.
2. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061>
3. Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 448 с.
4. Корсак К., Корсак Ю. Нооглоссарий как средство ноомышления и нооразвития человечества в XXI веке // RELGA. 2014. № 7(280). 17 июня. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?texitd=3908&level1=main&level2=articles>
5. Вознесенский И. С. Роль типологии восприятия времени в организации труда // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2019. № 4 (45). С. 92–102.
6. Вознесенский И. С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20–28.
7. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Москва-Киев : REFL-book, ИСА, 1994. 656 с.
8. Бойкина Е. Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 127–140.

9. Короленков А. В. *Caedes mariana* и *tabulae sullanae*: террор в Риме в 88–81 гг. до н. э. // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 195–211.
10. Дуглас М. С. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем. Москва : Рипол Класик, 2022. 480 с.
11. Сторр У. Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга / перевод с англ. Е. Тарасовой. Москва : Индивидуум, 2022. 384 с.
12. Мамедов А. К., Липай Т. П. Социальная стигматизация. Москва : ИД «АТИСО», 2008. 168 с.
13. Терновоя Л. О. Геополитическая культура. Москва : ИНФРА-М, 2021. 340 с.
14. Franceschini D. *Con la cultura non si mangia?* Milano : La nave di Teseo, 2022. 176 p.

References

1. Huntington S. *Clash of civilizations* / transl. from Eng. by T. Velimeev, Yu. Novikov. Moscow: AST; 2003. 603 p. (In Russ.).
2. "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values": Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061>
3. Dushkov B. A. *Psychosociology of mentality and noo mentality*. Yekaterinburg: Business book; 2002. 448 p.
4. Korsak K., Korsak Yu. Nooglossary as a means of nothinking and noodevelopment of humanity in the XXI century. *RELGA = RELGA*. 2014;(7(280)). June 17. (In Russ.). Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3908&level1=main&level2=articles>
5. Voznesensky I. S. The role of the typology of time perception in the organization of work. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2019;(4(45)):92–102. (In Russ.).
6. Voznesensky I. S. Temporal component of organizational culture. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura = Ethnosocium and international culture*. 2020;(1139):20–28. (In Russ.).
7. Vico J. *Foundations of a new science of the general nature of nations*. Moscow-Kyiv: REFL-book; ISA, 1994. 656 p. (In Russ.).
8. Boykina E. E. Ostracism and related phenomena: a review of foreign studies. *Psixologiya i pravo = Psychology and law*. 2019;9(3):127–140. (In Russ.).
9. Korolenkov A. V. *Caedes mariana* and *tabulae sullanae*: terror in Rome in 88–81 B.C. *Vestnik drevnej istorii = Bulletin of ancient history*. 2012;(1):195–211. (In Russ.).
10. Douglas M. S. Madness of the crowd. How the world has gone crazy with tolerance and trying to please everyone. Moscow: Riplol Klasik; 2022. 480 p. (In Russ.).
11. Storr W. Status. Why do we unite, compete and destroy each other / transl. from Eng. by E. Tarasova. Moscow: Individual; 2022. 384 p. (In Russ.).
12. Mamedov A. K., Lipai T. P. *Social stigmatization*. Moscow: PH "ATISO", 2008. 168 p. (In Russ.).
13. Ternovaya L. O. *Geopolitical culture*. Moscow: INFRA-M; 2021. 340 p. (In Russ.).
14. Franceschini D. *Can't you eat with culture?* Milan: Theseus` ship, 2022. 176 p. (In It.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;
Л. О. Терновоя — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;
L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.